

Е. В. Белецкая

МОДЕЛИРОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ПОНИМАНИЯ ДВОЙНОГО СМЫСЛА

*Работа представлена кафедрой английского языка Тверского государственного университета.
Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор А. А. Залевская*

Различные подходы к моделированию понимания двойного смысла констатируют роль контекста при трактовке семантики. Теория концептуальной интеграции помогает объяснить лексические процессы при разрешении неоднозначности.

Different approaches to understanding of a double sense state the role of a context in semantic interpretation. The theory of conceptual integration helps to explain lexical processing in resolution of ambiguity.

Двойной смысл является видом каламбура. Споры различных исследователей относительно особенностей опознавания неоднозначных слов прежде всего связаны с ответом на вопрос: всплывают ли у воспринимającego все возможные значения встреченного слова и он затем делает выбор из них, или сразу же идентифицируется одно значение без присутствия и без перебора каких-либо других вариантов?

Ученые предлагают различные модели разрешения языковой неоднозначности. Г. Симпсон, например, полагает, что при встрече в тексте с многозначным словом активируются все значения, но на степень активации влияют частота употребления значения слова и окружающий его контекст¹. В. В. Лемешевская² решающую роль оставляет за контекстом. Уже само понятие каламбура она выводит из понятия неоднозначности, говоря, что каламбур как двузначный текст есть результат подавления контекстом множества значений и редуцирования многозначности до актуализации двух значений. О решающей роли контекста говорит также Э. В. Кузнецова³, рассматривая многозначность глагола.

Д. Митчелл⁴ обсуждает модели опознавания многозначных слов, которые можно поделить на три класса, отражающие зависимость этих трех моделей от контекста. Контекстно-зависимые модели первого класса предполагают активацию только одного значения многозначного слова в памяти реципиента при встрече такого слова в предложении. Согласно второй, контекстно-независимой точке зрения, доступ к значению основывается на относительной частоте употребления слова. В каком бы контексте ни встретилось многозначное слово, вспоминается наиболее употребительное значение. Если оно оказывается несовместимым с контекстом, оно отбрасывается, и извлекается второе значение. Эта модель близка первой в том смысле, что контекст часто согласуется с наиболее употребительным значением многозначного слова и предвосхищает переработку

только одного значения в большинстве случаев, но нескольких, когда контекст совместим с менее употребительным значением. Третий подход предполагает активацию всех значений, когда бы ни встретилось многозначное слово, и эта активация протекает независимо от контекста или частоты употребления значения.

Н. Ф. Рафикова⁵ рассматривает следующие модели понимания неоднозначного слова: модели исчерпывающего доступа к значению; модели селективного доступа; модели последовательного доступа. Во всех этих моделях особое место уделяется контексту, который может повлиять на скорость доступа к значению неоднозначного слова. Для определения контекста, снимающего неоднозначность значения слова, важными факторами являются: 1) место неоднозначного элемента в контексте; 2) место в контексте информации, снимающей указанную неопределенность; 3) направленность контекста на то или иное значение неоднозначного слова (выделение контекстом одного из значений неоднозначного слова).

И. Ф. Бревдо⁶ разработала модель разрешения неоднозначности в шутке. Согласно этой модели, по мере развертывания сюжета шутки разного рода мистификаторы воздействуют на сознание и подсознание читателя/слушателя, направляя его антиципации по ложному пути вследствие создания некоей правдоподобной ситуации, вполне отвечающей привычным сценариям, что имеет своим результатом неверную идентификацию значения неоднозначного элемента текста. Идентификация слова в одном из его значений, по мнению И. Ф. Бревдо, не исключает вероятности поиска других значений того же слова в процессе продвижения по тексту шутки. В любом случае индивиду приходится пересмотреть первоначальную интерпретацию неоднозначного слова в момент встречи с «реформатором смысла», в корне меняющим контекст ситуации и требующим обращения к иному значению того же слова. Если в качестве

неоднозначного элемента в эту модель подставить двойной смысл, или игру слов, она будет работать.

Сказанное выше дает основания для вывода: все компоненты каламбура контекстуально обусловлены. Само двузначное (многозначное) слово не может предсказывать смысл своих единиц, все решает только контекст.

Перечисленные и другие модели разрешения языковой неоднозначности отводят решающую роль контексту, но не дают ответа на вопрос, каким образом и при каких обстоятельствах контекст определяет направление процесса опознавания неоднозначного языкового элемента.

По результатам анализа основных когнитивных подходов к изучению метафор⁷ мы пришли к выводу, что одним из возможных подходов к объяснению этого феномена может служить опора на теорию концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера⁸. Согласно этой теории, вместо традиционно принятого пересечения двух полей авторы рассматривают концептуальное пересечение (conceptual blending) с позиций модели «множественных пространств» («many-space» model). Предполагается, что пересечение структур из двух или более исходных ментальных пространств проецируется на отдельное производное пространство, которое включает исходные структуры и в то же время имеет собственную производную структуру, нередко не проецируемую ни с одним из исходных пространств. Концептуальное пересечение функционирует во многих областях познания и действия, оно включает межпространственное картирование сходных объектов и интегрирование событий.

Ментальное пространство (mental space) трактуется как относительно небольшой концептуальный набор, создаваемый для частных целей понимания и действия. Они создаются всегда, когда мы думаем и говорим, они взаимосвязаны и могут модифицироваться по мере развертывания дискурса⁹.

Мы попытаемся объяснить особенности понимания двойного смысла в зависимости от того, какое место в предложении занимает контекст: предшествует ли он многозначному слову или следует за ним. При этом мы попытаемся проследить, каким образом происходит выбор нужного значения слова и каковы организующие фреймы входных пространств.

Рассмотрим примеры, когда контекст *предшествует* многозначному слову:

1. «Мудрецы и зубные врачи смотрят в корень».
2. «Пожарный всегда работает с огоньком». (Э. Кроткий)

В первом примере приведено многозначное слово «корень», имеющее несколько значений. Но поскольку контекст предшествует этому слову, читателю или слушающему становится понятно, что мудрецы вникают в суть, существо дела, а зубные врачи в силу своей профессии призваны смотреть во внутреннюю, находящуюся в теле часть зуба.

«Работать с огоньком» (2) имеет более частотное употребление в значении ‘работать увлеченно, с задором’, но предыдущий контекст «пожарный» выявляет другое значение этого слова: ‘работать с огнем’ в качестве работника пожарной команды.

Согласно теории концептуальной интеграции, человек выстраивает концептуальные пространства. Рассмотрим пример 2. Концептуальное пространство «пожарный» (входное пространство 1) включает понятие ‘пожар’, ‘огонь’. Родовое пространство несет знания о том, что пожарный работает на пожарах, тушит разбушевавшийся огонь, спасает жизни людей. С другой стороны, «работать с огоньком» имеет еще значение ‘работать с задором, увлеченно’ (входное пространство 2). Опасная работа пожарного не имеет ничего общего с задорной, увлеченной работой. Под действием структурных условий родового пространства структура из пространства 1 пересекается со структурой из пространства 2 и создает результирующую структуру в выходном пространстве (рис. 1).

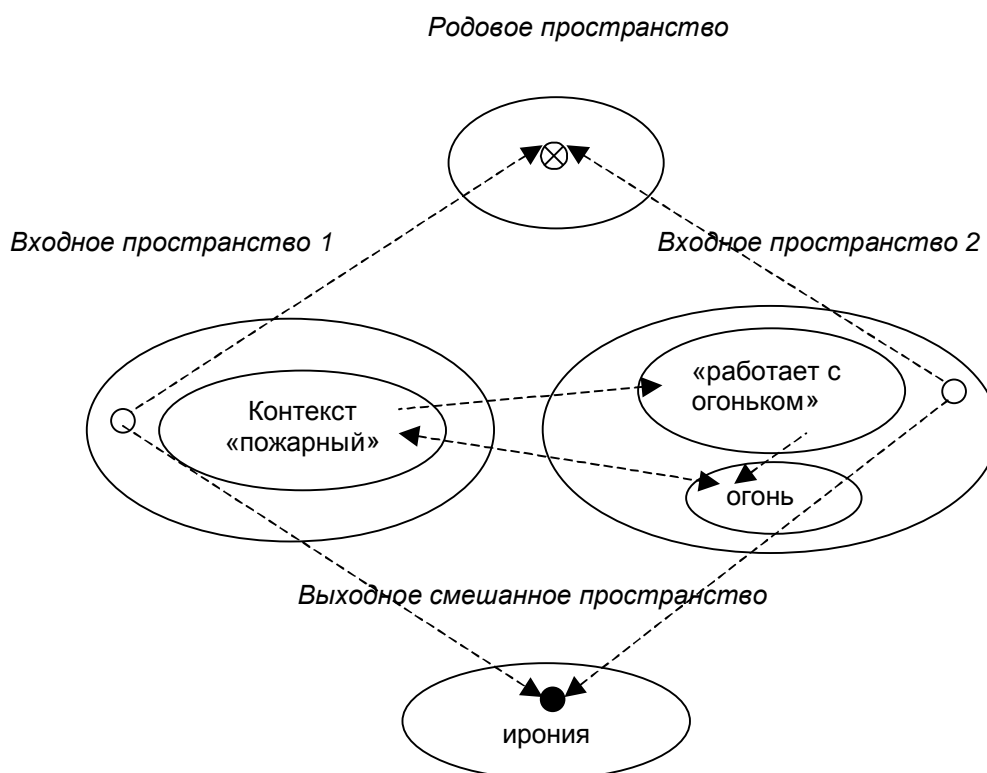

Рис. 1. Результирующая структура в выходном пространстве

Благодаря многомерному опыту человека на разных уровнях осознанности им учитываются языковые и энциклопедические знания декларативного и процедурального типов, которые лично переживаются и преломляются через призму социальных отношений.

В рассмотренных ниже примерах на выбор одного из значений многозначного слова влияет *последующий* контекст.

3. «Пьеса наделала много шуму: во всех ее действиях стреляли».

4. «Беда никогда не приходит одна: и его сочинение вышло в 2 томах». (А. Ю. Кривицкий)

5. «Как жаль, что способность делиться осталась лишь преимуществом простейших». (Я. А. Козловский)

Выражение «наделать много шуму» (3) чаще употребляется в значении 'вызвать общественный резонанс', но последующий контекст подсказывает читателю, что речь идет о шуме и грохоте, вызванными стрельбой во всех действиях пьесы.

Если бы не было продолжения: «и его сочинение вышло в 2 томах» (4), слушатель или читатель воспринял бы «беду» в значении какого-либо горестного события, несчастья. Во втором же примере автор еще иронизирует по поводу писательских возможностей человека, занимающегося литературным трудом. Его произведения просто беда, т. е. нечто совершенно плохое.

При восприятии словосочетания «способность делиться» (5) в памяти всплывают все возможные значения слова «делиться»: либо 'распадаться на части, распределяться', либо 'предоставлять кому-либо часть своего для совместного пользования', либо 'рассказывать что-нибудь кому-либо по-дружески, взаимно обмениваться информацией'. И только последующий контекст отбрасывает первое и третье значения, оставляя второе, так как только одноклеточные животные способны размножаться делением.

Таким образом, можно сделать вывод: если контекст следует за неоднозначным

словом, существует несколько возможностей его распознавания. Если оно оказывается несовместимым с контекстом, оно отбрасывается и извлекается другое значение (примеры 3, 4).

На третьем примере рассмотрим, как происходит понимание неоднозначного элемента, предшествующего контексту, с позиций теории концептуальной интеграции.

Как уже говорилось выше, концептуальная структура интегрированного пространства в ходе переработки информации

развивается на основе входных концептуальных пространств и общеродового пространства. Первое входное пространство включает понятие «общественный резонанс» и с ним более распространенное значение ‘отзвук, отголосок, впечатление’; второе входное пространство представлено контекстом «стреляли», который не имеет ничего общего с впечатлением от просмотра пьесы. Фреймы первого и второго входных пространств сталкиваются и дают результирующую третью структуру-бленд, несущую в себе иронию (рис. 2).

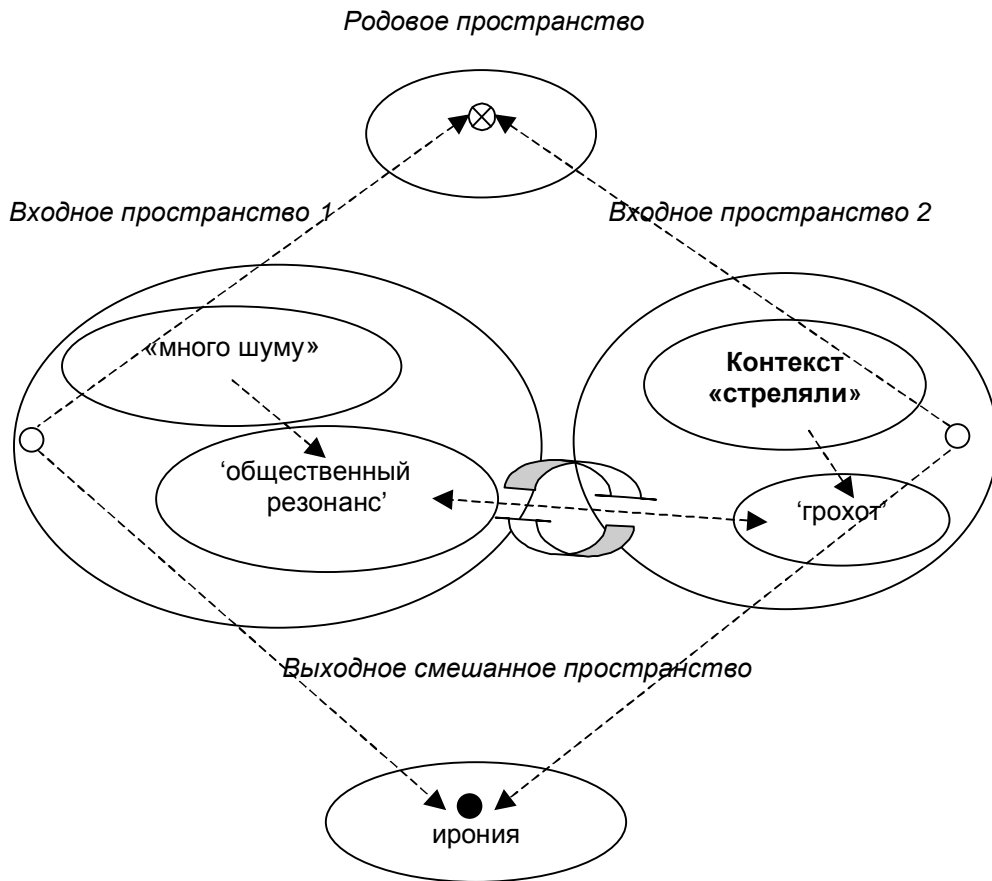

Рис. 2. Результирующая структура-бленд

Второй возможностью распознавания неоднозначного элемента является активация всех значений (пример 5) (рис. 3). При пересечении двух входных пространств происходит межпространственное картирование, т. е. поиск точек возможного со-

прикосновения соотносимых понятий посредством их сравнения (из рис. 3 видно, что это значение ‘распределяться’), а результирующая структура (выходное смешанное пространство) переживается как ирония.

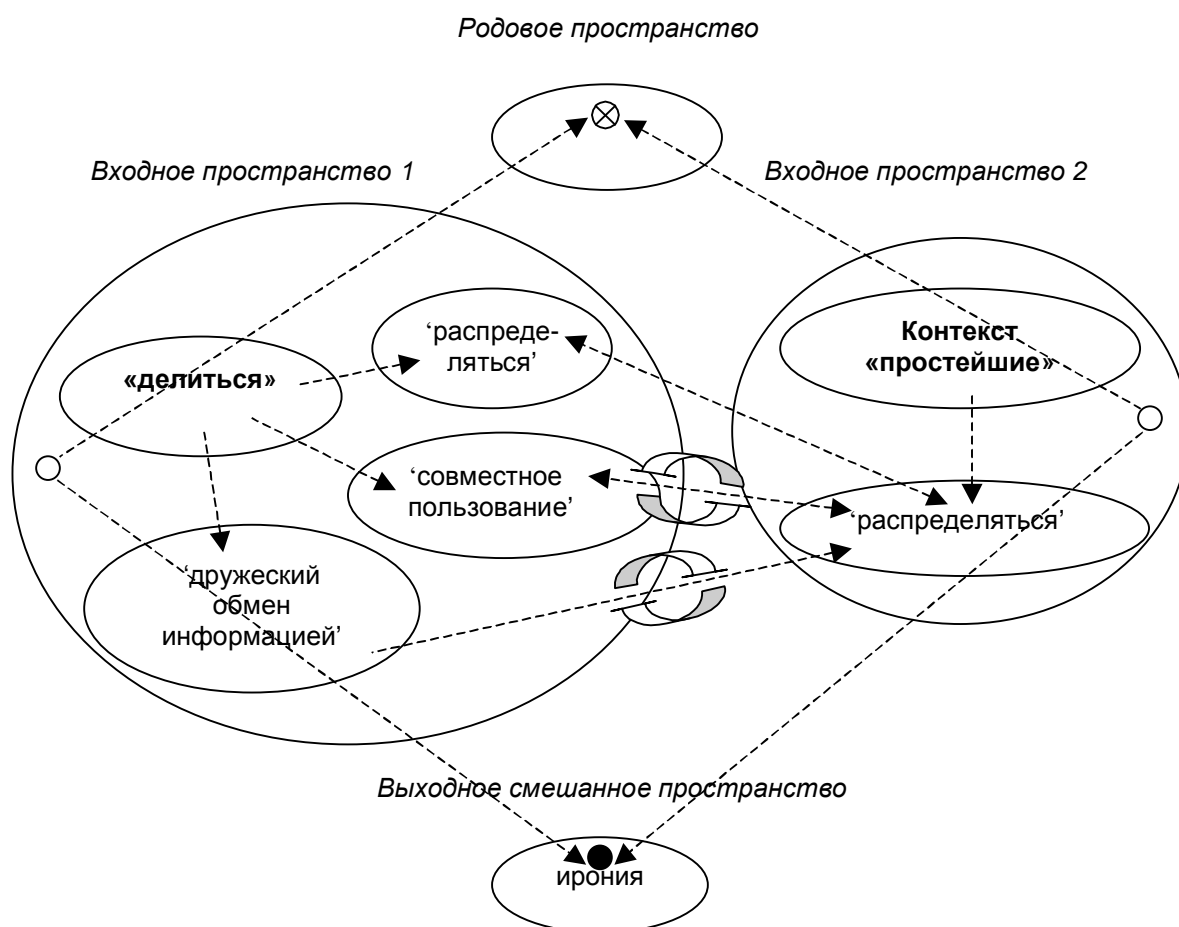

Рис. 3. Активация всех значений при распознавании неоднозначного элемента

Моделирование процессов понимания тропов (двойного смысла, в частности) с позиций идеи концептуальной интеграции позволяет проследить механизмы отражения в языковой форме способов и результатов познания мира. Новизна данной работы определяется заданным углом зрения на рассматриваемую проблему в русле когнитивного подхода. Теоретическое значе-

ние исследования обуславливается тем, что получает объяснение специфика модели понимания двойного смысла, трактуемого в свете когнитивного подхода к пониманию тропов, а практическое применение результатов проведенного исследования связано с возможностью включения их в учебные курсы и спецкурсы по психолингвистике, лингводидактике и теории перевода.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Simpson G. B.* Context and processing of ambiguous words // Gernsbacher M.N. (Ed.) Handbook of psycholinguistics. San Diego; New York; Boston etc.: Academic Press, 1994. P. 479–516.

² *Лемешевская В. В.* Лингвистические и экстралингвистические факторы двусмысленности текста: Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Калинин, 1975.

³ *Кузнецова Э. В.* Полисемия и ее отношение к понятию // Язык и мышление. М.: Наука, 1967. С. 208–214.

⁴ *Mitchell D. C.* Sentence Parsing // Gernbacher M.A. (Eds.) Handbook of psycholinguistics. San Diego etc.: Academic Press, 1994. P. 46–69.

⁵ Рафикова Н. В. Влияние внутреннего контекста на понимание слова и текста: обзор моделей понимания // Семантика слова и текста: психолингвистические исследования. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1998. С. 54–63.

⁶ Бревдо И. Ф. Механизмы разрешения неоднозначности в шутке: Дис. на соис. учен. степени канд. филол. наук. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999.

⁷ Белецкая Е. В. Основные когнитивные подходы к изучению метафор // Слово и текст: психолингвистический подход. Вып. 6. 2006. С. 21–31.

⁸ Turner M., Fauconnier G. Conceptual integration and formal expression // Journal of Metaphor and Symbolic Activity. 1995. Vol. 10 (3). P.183–204; Fauconnier G., Turner M. The way we think: Conceptual blending and the mind's hidden complexities. New York: Basic Books, 2002.

⁹ Fauconnier G. Mental spaces. New York: Cambridge Univ. Press, 1994 [1985].